

Колокольникова М.Ю.

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПРИНЦИПОВ И МЕТОДОВ
СЕМАСИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

2012

ПРЕДИСЛОВИЕ

Цель настоящего пособия – познакомить студентов-филологов с процессом становления и развития лексической семасиологии как самостоятельной лингвистической дисциплины, а также с предметом, целями, принципами и методами ее исследований. Особое внимание уделяется типам исторического изменения семантики лексических единиц и причинам этих изменений, подходам к их изучению, на которые оказывает влияние смена научных парадигм.

Пособие предназначено для студентов 2-4 курсов филологических факультетов университетов и может быть использовано на занятиях по спецсеминару, в ходе самостоятельной работы студентов надписанием курсовых и дипломных работ.

Раздел 1. Становление лексической семантики как самостоятельной лингвистической дисциплины и основные направления ее развития

В рамках общей теории языковых изменений повышенное внимание традиционно уделяется изучению исторического развития семантики лексических единиц. Это обусловлено не только тем, что лексика – это самая обширная подсистема языка, но и тем, что многие характерные для нее исторические процессы по своим принципам являются универсальными, изоморфными соответствующим процессам развития морфологических и синтаксических единиц.

Наиболее сложными и противоречивыми до настоящего момента остаются вопросы, связанные с причинами изменений смысловой структуры слов и с конкретными формами этих изменений. Данными вопросами занимается специальный раздел исторической лексикологии, известный как семасиология, чьи принципы и методы исследований развиваются и совершенствуются на протяжении уже длительного времени. Принято считать, что первым, кто высказал мысль о необходимости выделения семасиологии в качестве особой дисциплины, был немецкий ученый К. Х. Райзиг, который в

соответствии с взглядами той эпохи считал семасиологию именно исторической наукой, исследующей эволюцию значений слов. Подобно многим своим современникам и последователям, К.Х. Райзиг придерживался логического направления, в рамках которого слово рассматривалось как символ понятия, а его значение – как понятие, связанное со словом. Вполне естественно, что главную причину изменения семантики слов при этом видели в изменении самих понятий.

В основе предложенной К. Х. Райзигом классификации типов изменений лежало выявление различных видов логических связей между старым и новым значением слова: *синекдоха, метонимия, метафора изменение переходного значения глагола в непереходное, изменение значения вследствие присоединения к слову предлога, переход пространственных отношений во временные*. На том этапе развития лингвистики подобный подход был характерен и для многих других исследователей, в трудах которых на основе логического фактора изучались, как правило, только семантические явления, присущие всем языкам в ходе их эволюции, а явления, свойственные отдельным языкам, не выделялись в качестве специального объекта анализа.

Во второй половине XIX века наряду с логическим направлением широкое распространение получило психологическое направление, представители которого рассматривали слово преимущественно как символ психических явлений, а значение слова как представление, связанное со словом. Таким образом, в качестве основы семасиологии начинает выступать психология, а главной задачей соответственно становится изучение фактов психической жизни индивидуумов, которая находит свое проявление в значениях слов и их изменениях.

Сторонники психологического направления нередко подвергались и подвергаются до сих пор критике за то, что они исследовали преимущественно содержание слов, почти не учитывая их форму, в результате чего на первый план у них, как и у логистов, выходили внеязыковые факты. В то же время обычно признается, что именно с появлением психологического направления

семасиология определилась как наука, в центре внимания которой находится изучение причин образования и развития значения слов, изучение закономерностей этих процессов в конкретных языках.

Одним из наиболее видных представителей психологического направления был Г. Пауль, который считал, что подлинным объектом языкового исследования является совокупность проявлений речевой деятельности всех относящихся к данной языковой общности индивидов в их взаимодействии. Речевая деятельность индивидов, в которой постоянно происходят индивидуальные отклонения, противопоставлялась им узуальному употреблению языка с его общими для коллектива нормами [Пауль, 1960, с. 45].

Поэтому при изучении изменений семантики слов Г. Пауль опирается на дихотомию «узуальное/окказиональное». Под узуальным значением понимается вся совокупность представлений, составляющих смысловое содержание слова, а под окказиональным – те представления, которые говорящий связывает с этим словом в момент речи. «Изменения значения слов осуществляется путем отклонений в индивидуальном употреблении узуального и путем постепенного превращения такого индивидуального употребления в узуальное. Возможность, или лучше сказать необходимость изменений значений вытекает из того факта, что значение, приобретенное словом в каждом отдельном акте употребления, не обязательно должно совпадать со значением, присущим слову как таковому согласно узусу» [Пауль, 1960, с. 93–94].

Некоторые исследователи подчеркивают, что переход окказионального в узуальное предстает у Г. Пауля как случайное явление. В связи с этим изменения значений слов он классифицирует на основе условно принятой логической схемой, которая в целом мало согласуется с характерным для него стремлением к психологической интерпретации языковых фактов [Шмелев, 1964, с. 13]. Предложенная Г. Паулем классификация включает следующие типы трансформаций: сужение (специализация) значения вследствие сужения объема понятия и обогащения его содержания; расширение значения вследствие выделения одной какой-либо части представления; перенос значений на основе

пространственных, временных или причинных связей. Кроме указанных трех групп Г. Пауль выделяет еще дополнительную четвертую группу. В нее входят все те случаи, которые не могут быть включены ни в одну из основных групп: гиперболы, ухудшение значения, литоты, эвфемизмы, уничижение, ирония [Пауль, 1960, с. 75–78].

На строго психологическом подходе к объяснению семантических явлений настаивал В. Вундт. В центре его внимания была, прежде всего, система связей между психологическими явлениями, которую он переносил непосредственно на язык. Поэтому законами изменений значений слов оказывались общие законы ассоциативных связей, среди которых выделяются следующие три группы: связь по сходству, связь по смежности (пространственной или временной) и связь по противоположности [Wundt, 1900]. Это позволяет многим исследователям делать вывод о том, что, в отличие от логических классификаций, устанавливающих главным образом результат, к которому приводят изменения значений, психологические классификации рассматривают эти изменения и с точки зрения причин, ведущих к ним.

В. Вундт делит все семантические изменения на «регулярные» и «сингулярные». Различия между ними состоят в том, что в основе регулярных изменений лежат общие по своему характеру психологические факторы. К их числу принадлежат ассимилятивные изменения, компликативные (использование слов, связанных с каким-либо органом чувств, в сфере других чувственных восприятий), эмоциональные (слово переносится на предмет, вызывающий аналогичные эмоции), ассоциативные сгущения значений (когда определяемое слово вбирает в себя значения определяющего слова, с которым оно часто употребляется). Что касается сингулярных изменений, то они обычно обусловлены какими-либо частными причинами (например, перенесение названия места на предметы, которые там производятся).

В современной В. Вундту и более поздней специальной литературе можно встретить немало критических замечаний как в адрес его теории в целом, так и в адрес ее отдельных положений (А. Марти, Ш. Сешэ,

В. А. Звегинцев). Подчеркивается, что В. Вундт, будучи представителем традиционной лингвистики, по сути, выводит значение за пределы языкового знака. Отводя решающую роль психологическим моментам, он не учитывает специфику языка как такового и, в конечном счете, отождествляет его с «внеязыковым» фактором. В то же время высокую оценку получило стремление В. Вундта создать теоретическую лингвистику (семасиологию), т.е. науку, имеющую дело не только с эмпирическими фактами, но и устанавливающую закономерные связи и отношения между семантическими явлениями.

Поиску подобных закономерностей большое внимание уделял и М. Бреаль, который ввел в научный обиход термин *семантика*. М. Бреаль также одним из первых указал на принципиальное отличие семантических законов от фонетических, поскольку семантические законы не действуют слепо и имеют ограничения и исключения. Подобной точки зрения придерживаются и многие современные исследователи, полагающие, что семантические законы, как правило, имеют не причинно-жесткий, а причинно-вероятностный характер и представляют собой постоянные отношения, обнаруживающиеся в ряде явлений и позволяющие выделять все самое типичное и существенное в семантической структуре языковых единиц.

Сам М. Бреаль вывел несколько законов, которые, по его мнению, действуют во всех европейских языках, так как носят психологический характер. Наиболее известным из этих законов является закон «распределения», или размежевания синонимов, согласно которому слова, оказывающиеся тождественными по значению, начинают развивать различия в значениях и через некоторое время уже перестают быть взаимозаменяемыми. Еще один известный закон М. Бреаля, позднее развитый А. Мейе и Р. Мерингером, устанавливает, что при переходе слова из более узкой, специальной сферы в общенародную его значение расширяется, а при переходе из общенародного употребления в специальное, наоборот, сужается.

Подобно другим авторам того времени, М. Бреаль в своих работах приводит классификацию изменений значений слов, построенную (как и у

Г. Пауля) на логическом, точнее на логико-риторическом, принципе. Среди основных типов переосмысления семантики лексических единиц в ней приводятся следующие: сужение, расширение, метафора, ухудшение и улучшение значений [Breal, 1897, p. 143].

Тот же принцип кладет в основу своей классификации А. Дармстетер, который выделяет три основные формы семантических сдвигов: *синекдоха* (сужение, расширение и эллипсис), *метафора* и *метонимия*. А. Дармстетер в своих работах выделяет и такие сложные формы изменения семантики слов, как *радиация* и *конкатенация* (сцепление) [Darmesteter, 1887, p. 132–135]. В первом случае производные значения слова формируются независимо друг от друга, образуя как бы лучи солнечного диска. При сцеплении слово переходит на другой объект благодаря общему признаку этих объектов. Затем этот признак забывается и третье значение образуется от второго благодаря общности иного признака у второго и третьего объектов. Но как бы широко не были распространены эти случаи семантических изменений, согласно А. Дармстетеру, они тем не менее должны рассматриваться как исключения.

Причины изменения значений слов и методы их установления находятся в центре внимания работ по семантике А. Мейе. В опубликованной в 1905 году статье «Как слова изменяют смысл» он выделил три группы причин: исторические, социальные и языковые. Исторические факторы имеют место в тех случаях, когда изменяется предмет, а наименование остается прежним (*перо* птичье как орудие письма – *перо* стальное как орудие письма). Причины социального порядка приводят к изменениям значений слов при их переходе из одной социальной группы в другую (различное значение слова *операция* у лиц разных профессий и т.п.).

Анализируя лингвистические причины, А. Мейе указывает, что изменение формы слова может способствовать изменению значения, поскольку оно разрушает связи с однокоренными словами. В результате слово становится «изолированным», а «изолированное» слово функционирует совершенно иначе, чем слова, входящие в какую-либо группу. Большую роль в развитии значений

слов играют и те контексты, в которых они регулярно используются. Примером здесь могут служить французские слова *pas, personnel, point, rien*, которые получили значение отрицаний вследствие их употребления в предложениях, содержащих отрицание. К лингвистическим факторам относится и неопределенность значения слов.

В дальнейшем исследователи все больше сосредотачивали внимание на собственно лингвистическом подходе к изучению семантики, чему в немалой степени способствовали и труды А. Марти, который полагал, что язык является, прежде всего, инструментом коммуникации и, как всякий инструмент, может быть понят только при изучении его назначения. Поэтому значение слова А. Марти определял как функцию, посредством которой слушателю передается внеязыковое содержание. Таким образом, значение слова переходит в собственно языковую сферу, становится свойством самого знака и начинает изучаться с точки зрения его «поведения» в окружении других значений. При этом Марти не исключает исторический анализ, считая, что каждое языковое явление можно изучать в процессе его эволюции. Однако в первую очередь значения слов, по его мнению, должны исследоваться с точки зрения их особенностей на современном уровне развития языка, т.е. в синхронном плане [Marty, 1950, S. 44–47].

Некоторые из указанных положений еще раньше были выдвинуты Н. Крушевским, который тоже являлся сторонником функционально-психологического подхода. Он, в частности, полагал, что слово, будучи знаком вещи, само по себе ничего не выражает, а значение дается ему только в процессе его употребления, функционирования. Поэтому слова изменяются по своим собственным фонетическим и морфологическим законам и не имеют ничего общего с историей обозначаемого [Крушевский, 1883, с. 133].

Однако свое теоретическое обоснование разграничение исторического и описательного методов анализа получило в трудах Ф. де Соссюра, который ввел в лингвистику понятия *синхрония* и *диахрония*. Согласно Ф. де Соссюру, предметом лингвистики является изучение функционирования знаковой системы, а

все те факторы, которые связаны с существованием языка, но находятся вне этой системы, не должны включаться в собственно лингвистические исследования [Соссюр, 1977]. С этого времени положение о системном характере лексики получает широкое признание, а одной из центральных задач как семасиологии, так и лексикологии в целом становится изучение закономерных связей между лексическими единицами.

Нужно, правда, подчеркнуть, что многие исследователи и до этого указывали на необходимость изучать не отдельные слова, а семантически связанные между собой группы слов. Так, А. А. Потебня еще в 1864 году в своей работе «О связи некоторых представлений в языке» высказал совершенно новую в то время мысль об историческом изучении целых рядов слов, группирующихся вокруг одних и тех же представлений. Анализируя смысловое родство нескольких рядов слов, А. А. Потебня устанавливает закономерные связи между сравниваемыми словами и строгую последовательность возникновения нового представления на основе предыдущего [Потебня, 1864, с. 137–138].

М. М. Покровский неоднократно подчеркивал, что семасиологические процессы распространяются на целые категории слов. Поэтому «история значений известного слова будет для нас только тогда понятной, когда мы будем изучать это слово в связи с другими словами, синонимичными с ним и, главное, принадлежащими к одному и тому же кругу понятий» [Покровский, 1959, с. 75]. Выдвинув идею изучения целых семантических групп слов, их синонимических связей, исследователь обогатил семасиологию и лексикологию не только еще одним методом изучения лексических единиц, но и, по сути, выдвинул новый тезис о системном характере лексики. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что он исследует группы слов, принадлежащие не только к одному и тому же кругу представлений, но и к разным: «...распределяя слова по тем «сферам представления», к которым они относятся (этим, может быть, несколько неопределенным термином у меня обозначаются фактические ассоциации слов), я, конечно, не утверждаю, что язык состоит из множества ячеек, совершенно

обособленных друг от друга: наоборот, где только можно, я отмечал сходные явления в истории значения слов, принадлежащих к различным сферам представлений» [Там же].

Вопросы исторического развития определенных групп лексики являются центральными у Г. Шпербера, основные работы которого были опубликованы уже после работ Ф. де Соссюра. Г. Шпербер во многом опирается на положение К. Эрсмана о наличии в смысловой структуре слова следующих трех элементов: 1) центральное (логическое) значение; 2) периферийное значение; 3) эмоциональное значение. Излагая свою теорию, Г. Шпербер подчеркивает, что в каждый исторический период отдельные понятийные комплексы получают особо заметную эмоциональную окраску (например, «комплекс сражения» в Средние века). Если какое-нибудь слово, связанное с подобным комплексом, выходит из своих обычных границ и получает новое значение, то можно с большой долей уверенности ожидать, что и другие выражения, связанные с этим же комплексом, тоже выйдут за пределы сферы своего употребления и разовьют новые значения. По мнению Г. Шпербера, это оказывается возможным именно за счет эмоциональной окраски лексем, которая помогает преодолеть присущий языку консерватизм и превратить окказиональное (т.е. контекстное) значение в узуальное [Sperber, 1922, S. 67].

Сам процесс возникновения нового значения представлен у Г. Шпербера следующим образом: появление нового значения в определенном контексте, его укрепление в результате частых повторений одних и тех же взаимосвязей, сохранение нового значения уже в различном контекстном окружении и, наконец, возможность полного разрыва между старым и новым значением. Г. Шпербером была разработана и методика контекстного изучения лексики, основанная на представлении о том, что ассоциативные связи слов оказывают существенное влияние на развитие их значений, а сами эти значения в свою очередь зависят от привычных контекстов употребления. Пользуясь контекстной группировкой, Шпербер в своих исследованиях изучает слова, часто встречающиеся вместе в одном контексте.

Все это во многом объясняет тот факт, что, несмотря на многочисленные критические замечания в адрес Г. Шпербера, вызванные, прежде всего, явной переоценкой им эмоционального фактора, его идеи оказали заметное влияние на дальнейшее развитие семасиологии и лексикологии в целом. В этой связи стоит особо выделить теорию «семантического поля», восходящую к Й. Триру, который первым предпринял попытку применить структуральный метод к исследованию содержательной стороны языка.

Опираясь на учение В. Гумбольдта, Й. Трир подчеркивал, что каждый язык по-своему членит мир, который мы воспринимаем таким, каким нам представляет его язык. Исходной точкой его анализа выступают «понятийные (семантические) поля», на которые, подобно мозаике, накладываются слова, в свою очередь образующие определенное «словесное поле». Причем каждый из словесных знаков обретает значение только внутри целого поля и благодаря этому целому. Вне поля слово вообще не может иметь значения. Поэтому для того, чтобы понять отдельное слово, в сознании слушающего, как подчеркивает Й. Трир, должно присутствовать все поле словесных знаков [Trier, 1931, S. 5-8].

Исследуя слова, входящие в семантическое поле *интеллект*, Й. Трир приходит к выводу, что на разных этапах эволюции немецкого языка их значение определяется словами, стоящими в одном синонимическом ряду с ними. При этом развитие значения лексем оказывается обусловленным исключительно только изменением количества и характера синонимических им единиц. Й. Трир здесь во многом следует концепции Ф. де Соссюра о произвольном и имманентном характере членения языковой структуры как замкнутой системы. В то же время Трир отходит от одного из основных принципов учения Ф. де Соссюра, связанного с разграничением синхронического и диахронического планов анализа языка. По мнению многих исследователей (А. Мейе, Ф. Дорзейф, А. Йоллес, С. Ульман), эти два плана у Й. Трира постоянно смешиваются и подменяются один другим.

Критические замечания вызвали также априорность ряда положений теории Й. Трира и свойственная ему прямолинейность в установлении

соотношения между словом и понятием. Причем подобного рода замечания, как правило, сопровождались попытками выявить собственно лингвистические критерии выделения семантических полей (Г. Ипсен, В. Порциг, А. Йоллес, О. Духачек, А. А. Уфимцева и др.).

Подобный интерес к теории и методике построения семантического поля обусловлен тем, что исследование отдельных участков словарного состава создает возможности для большей научной объективности, являясь «одним из путей преодоления главной трудности лексикологического и семасиологического анализа, проистекающей из обширности и распыленности материала.

В то же время в специальной литературе много раз отмечалось, что выявленные в ходе подобного рода исследований закономерности носят в основном частный характер и в силу этого нередко затрудняют выявление типичного и существенного в лексической системе того или иного языка в целом. Кроме того, при ориентации исключительно на системно-парадигматические отношения денотативное содержание слова, его соотношенность с внеязыковой реальностью либо отводится на второй план, либо вовсе игнорируется, а семантические сдвиги объясняются исключительно только семасиологическими и ономасиологическими связями внутри поля. Основанием этому служит представление о том, что предметом интереса лингвиста должна быть исключительно только внутренняя причинность языковых изменений [Курилович, 1965, с. 404–405]. Данное положение, характерное для структурализма, обычно сопровождается утверждением о «примате синхронии над диахронией», поскольку лишь первая из них носит системный характер. Более того, по мнению представителей этого направления, понятие *развитие* и понятие *система языка* вообще несовместимы [Ельмслев, 1960, с. 54].

Еще во второй четверти XX века многие авторы (В. Варбург, А. Сеше, Л. Вейсгербер, Г. Стерн) в своих работах выступали против свойственного описательной семантике того времени отказа от диахронического плана

исследования. Особый интерес в этом отношении представляют труды С. Ульмана, который, будучи соссюрианцем-функционалистом, тем не менее признает, что Ф. Соссюр слишком резко отделил план синхронии от диахронии. Ульман также отмечает, что один из наиболее последовательных учеников Соссюра, Ш. Балли, в своей книге «Общая лингвистика и лингвистика французского языка», часто обращается к диахронии, чтобы обосновать свои положения.

В семасиологии, по мнению Ульмана, должны применяться оба плана анализа. Причем план диахронии, призванный исследовать предшествующие ступени развития каждого элемента системы, вовсе не ведет к изучению отдельных, изолированных языковых явлений, как на том настаивали структуралисты. Помимо этих двух планов Ульман выделяет еще третий – панхронический, который связан с явлениями, характерными для всех языков (или их большей части) на любой ступени их развития: различия между именами собственными и нарицательными и т.п.

Излагая свои взгляды на проблему значения, Ульман использует схему «семасиологического треугольника» Огдена–Ричардса. Вершина этого треугольника, т.е. смысл, обозначается им как *sense* (вместо традиционного *thought*), а значение слова он определяет как *meaning*. Последнее рассматривается как отношение между звуковой частью слова (*name*) и его смыслом (*sense*). Согласно Ульману, при подобном подходе значение становится чисто языковым фактором, а объектом лингвистического исследования служит только левая сторона треугольника. Что касается связей между словом (символом) и референтом (предметом), равно как между смыслом и референтом, то они должны изучаться преимущественно психологами и философами.

В то же время Ульман, стремясь, в отличие от большинства структуралистов, соединить синхронию и диахронию, не может оставаться на позиции «чисто лингвистического исследования», невольно включая в свой анализ элементы «внеязыкового» фактора. Это находит наглядное отражение в предложенной Ульманом классификации изменений значений слов

(универсалий в исторической семантике). Подобно А. Мейе и Г. Стерну, он тоже выделяет в отдельную группу исторические (внелингвистические) факторы, которые определяются им как консерватизм языка. Вторую группу составляют собственно лингвистические причины, которые получают психологическую интерпретацию, основанную на четырех типах ассоциаций, способных возникнуть между именами и смыслами двух слов: перенос имени по сходству смысла или по смежности смысла, перенос смысла по сходству имен или по смежности имен. Кроме этого Ульман дополнительно выделяет еще несколько явлений, играющих важную роль в изменении семантической структуры лексических единиц различных языков. К ним в первую очередь относятся *табу*, *эвфемизмы* и *ухудшение значений*.

Как и другие структуралисты, Ульман в своих работах обращается к статистическому методу, при помощи которого ему удается, в частности, доказать, что источником переноса при синестезии являются, как правило, слова, означающие что-нибудь воспринимаемое осязанием, а направлен перенос на звук или что-нибудь воспринимаемое зрением. Если расположить чувства в следующем порядке: осязание – восприятие температуры – вкус – обоняние – слух – зрение, то оказывается, что перенос может идти по этому ряду только в одном направлении, т.е., например, со слуха на зрение, но не наоборот.

Ульман широко использует и сопоставительную методику, о чем свидетельствуют его исследования семантической структуры французского языка, который он сравнивает с другими европейскими языками. Особое внимание Ульман при этом уделяет таким проблемам, как соотношение в том или ином языке произвольных (по терминологии А. Мейе, «изолированных») и мотивированных слов, зависимость слов от контекста, синонимический ресурс.

Попытки сблизить диахронический и синхронический уровень исследований четко прослеживаются у представителей функционально-структурного направления, которые использовали структурные методы при изучении процессов языковой эволюции (А. Мартине, Р. Якобсон и др.). Подобный подход не только расширил сферу исследования самой структурной

лингвистики, но и позволил выдвинуть положение о том, что всякое изменение первоначально относится к синхронии. Иными словами, наступлению или свершению изменения предшествует период существования в одном и том же языковом коллективе нескольких разновидностей форм. В работах членов Пражского лингвистического кружка специальное внимание обращается на существование в языковой системе ядерных (центральных) и периферийных элементов, способных взаимодействовать и перемещаться, меняться местами. Именно подобная неоднородность языка в функциональном (стилистическом), социальном и географическом плане выступает в качестве основы его развития.

У сторонников функционально-структурного направления интерес к проблемам эволюции сочетался с характерной для структурализма в целом твердой убежденностью в преимуществе синхронического анализа над диахроническим, поскольку только синхронический анализ, согласно их взглядам, позволяет составить непосредственное представление о языке. Эта точка зрения довольно четко прослеживается, в частности, у А. Мартине, который в своих работах не раз подчеркивал, что лишь внутренние причинные связи представляют интерес для лингвиста. Что же касается различных данных исторического толка, то к ним, по мнению исследователя, следует обращаться «в самую последнюю очередь, лишь исчерпав все средства объяснения языковых явлений, собранные в результате изучения эволюции структуры как таковой и исследования процессов взаимодействия» [Мартине, 1963, с. 565].

Значительный вклад в развитие и совершенствование методов изучения исторических изменений языковых единиц внесли труды Э. Бенвениста. В первую очередь следует, пожалуй, назвать «Словарь индоевропейских социальных терминов», в котором показано, каким образом первоначально слабо дифференцированные в своих значениях слова последовательно дифференцируются и образуют системы, отражающие глубинную эволюцию социальных категорий, возникновение новых родов деятельности и новых понятий. Этот внутренний процесс каждого языка может воздействовать на другой язык путем культурных контактов [Бенвенист, 2002, с. 353].

Исходной точкой служит слово того или иного индоевропейского языка, «чреватое будущими связями и ассоциациями». Вокруг этого слова, начиная с прямого анализа особенностей его формы и смысла, его актуальных связей и противопоставлений, а также посредством анализа родственных форм, восстанавливается культурный контекст, в котором слово складывалось как термин, часто претерпевая глубокие изменения. В результате средствами сравнения и диахронического анализа удается вскрыть сигнификат там, где в начальной точке наблюдения дан лишь денотат. Фактор времени становится при этом параметром системного описания.

На дальнейшую эволюцию исторической семантики значительное влияние оказали идеи, изложенные в опубликованной в 1953 году статье Э. Бенвениста «Семантические проблемы реконструкции». Данная работа ознаменовала собой появление новой области исследования – семантической реконструкции. Сам Э. Бенвенист подчеркивал, что основная задача семантической реконструкции заключается в том, чтобы выяснить, «могут ли две формально тождественные или сопоставимые морфемы отождествляться и по своему значению, если да, то каким образом значение лингвистической формы определяется всей совокупностью ее употреблений, ее дистрибуцией и вытекающими из них типами связей.

Раздел 2. Причины и механизмы исторического развития лексической семантики, принципы и методы их исследования в современной лингвистике

Благодаря наметившейся в 60-е годы XX века смене научной парадигмы проблемы исторического развития языка вновь начинают осознаваться как одни из центральных для теоретического языкознания. Опыт предшествующих десятилетий еще раз доказал, что только изучение истории объекта дает возможность познать его наиболее полно, обнаружить и синтезировать в теории его многочисленные стороны, объяснить его природу и разнообразные ее проявления.

Становится все более очевидным, что сведения об эволюции слова

играют важную роль в понимании его нынешнего значения и специфики его функционирования, поскольку в семантической структуре лексической единицы содержатся компоненты, хранящие «память» о ее прошлых состояниях. Показательным в этом отношении является следующее высказывание В. В. Виноградова: «В синхроническом тождестве слова есть отголосок его прежних изменений и намеки на будущее развитие. Следовательно, синхроническое и диахроническое развитие – лишь разные стороны одного и того же исторического процесса. Динамика настоящего – прорыв в будущее. Соотношение значений в современном употреблении слова, их иерархия, их фразеологические контексты и их экспрессивная оценка – всегда заключают в себе диахронические отложения прошлых эпох» [Виноградов, 1994, с. 17].

В специальной литературе не раз высказывалось мнение о том, что синхроническая полисемия представляет собой не что иное, как проекцию диахронического развития на синхроническую плоскость, или, другими словами, развернутую в пространстве диахронию (О. Н. Трубачев, В. В. Виноградов, Н. И. Толстой и др.). Оба указанных явления иногда обозначаются одним и тем же термином, а именно: *семантическая деривация*. По мнению А. А. Зализняк, это обеспечивает необходимую терминологическую базу для создания некой интегральной модели, в рамках которой диахронические семантические изменения и синхронические отношения между значениями многозначного слова описывались бы при помощи одного метаязыка [Зализняк, 2001, с. 13]. Это, однако, не означает признания тождественности двух указанных выше явлений.

Первостепенный интерес в этом отношении вызывают регулярные и при этом нетривиальные семантические деривации, которые представляют собой двусторонние сущности, воспроизводимые в разных языках и/или в разных словах одного языка. На протяжении уже нескольких лет группа исследователей ведет работу над специальным каталогом семантических дериваций (А. А. Зализняк, М. С. Булах, Д. С. Ганенков, И. А. Грунтов, Т. А. Майсак, М. М. Руссо). Если *семантическая деривация* – это правило порождения производного

значения определенного типа из исходного значения определенного типа, то *семантический сдвиг* (*переход*, по терминологии авторов каталога) – это факт совмещения в пределах одного слова двух индивидуальных значений. В тех случаях, когда сходное совмещение значений наблюдается в нескольких словах (одного или разных языков), говорят о *семантической параллели*. Данное явление, на наш взгляд, чрезвычайно существенно не только в плане этимологии, но и с точки зрения эволюции значений слов на различных этапах исторического развития.

Важность диахронического подхода к изучению языковых фактов в последнее время постоянно подчеркивают представители различных направлений. В. А. Плунгян в этой связи пишет, например, следующее: «Для когнитивной теории диахронический аспект описания языка становится едва ли не более важным, чем синхронный аспект: во многом обращаясь к принципам лингвистики XIX в., это направление провозглашает, что для понимания того, как устроен язык, и для объяснения языковых явлений апелляция к происхождению этих фактов становится одним из основных исследовательских приемов» [Плунгян, 1998, с. 355].

Достигнутые синхронической лингвистикой успехи в области анализа системно-структурных связей языковых (в том числе и лексических) единиц в свою очередь не могли не оказать влияния на диахроническую лингвистику, одной из главных задач которой становится выявление взаимозависимости и соотносительности всех элементов языковой системы на различных хронологических срезах. В соответствии с этими взглядами основным объектом исследования исторической лексикологии и семасиологии признается не изолированное слово, а лексико-семантическая система языка конкретного исторического периода.

Известно, что термин *лексико-семантическая система* был введен в научный обиход В. В. Виноградовым. Как отмечал сам В. В. Виноградов, лексико-семантическая система включает в себя не только собственно лексический инвентарь (слова и выражения), но и словообразовательные и

грамматические категории, определяющие семантические группировки и смысловые соотношения слов. В отличие от словарного фонда как совокупности номинативных средств лексико-семантическая система представляет собой синтез, результат сложного взаимодействия слов с элементами других уровней языка: морфологическим и синтаксическим. «Слово как смысловая единица языка, отражающая тот или иной «кусочек действительности, вместе с тем выражает его общественное понимание и является элементом данной лексико-семантической системы языка» [Виноградов, 1953, с. 18]

Путь к изучению не только смысловой структуры отдельного слова, но и к изучению особенностей лексико-семантической системы в целом лежит через определенные подсистемы: синонимические ряды, антонимические пары слов, лексико-семантические группы слов. Из этого логически следует вывод о том, что нельзя познать сущность слова, не обращаясь ко всей лексико-семантической системе (как это делали младограмматики), в то же время нельзя изучить и лексико-семантическую систему, игнорируя отдельные слова (как это пытались делать структуралисты).

При системном подходе к изучению единиц лексико-семантического уровня большое внимание уделяется терминологическим системам различных областей знаний, которые, являясь частью словарного состава языка, не могут развиваться изолированно от других пластов лексики. Здесь происходят почти все те лексико-семантические процессы (но со специфическими чертами их реализации), которые характеризуют лексику того или иного языка в целом. Это не является случайным, поскольку профессиональная лексика в любом отдельном языке возникает как результат взаимодействия лексической системы с таким социальным фактором, как профессиональное членение общества, но, возникнув из взаимодействия факторов лингвистического и экстралингвистического характера, профессиональная (терминологическая) лексика в дальнейшем делается достоянием самого языка, становится явлением внутренним, лингвистическим [Будагов, 1971, с. 62].

Смена научной парадигмы, о которой говорилось выше, нашла свое отражение не только в признании системного характера исторических изменений, но и в признании их двусторонней обусловленности, поскольку они могут быть вызваны как внутренними (имманентными), так и внешними (общественно-детерминированными) факторами. Весьма красноречивым в этом отношении является следующее высказывание Х. Андерсена: «То, что отличает наше поколение лингвистов от поколения времен Куриловича, – это понимание того, что социальные категории интегрированы в язык и никак не являются для него гетерогенными» [Andersen, 1989, p. 240].

Большую роль в смене приоритетов сыграл опыт, накопленный в смежных дисциплинах. В числе первых следует назвать социолингвистику, в рамках которой вопросам языкового развития всегда уделялось особое внимание. Еще в 20-е годы основоположники социолингвистики (В. М. Жирмунский, Е. Д. Поливанов, Б. А. Ларин, А. М. Селищев, А. Мейе, Ж. Вандриес и др.) связывали изменения в языке с социальными условиями существования его носителей, поскольку сам язык существует только благодаря обществу.

Главная задача, которая встает перед исследователем, заключается в том, чтобы определить, как именно изменения в жизни общества оказывают влияние на эволюцию языка, каков конкретный механизм этого влияния. Пытаясь дать ответ на данный вопрос, Е. Д. Поливанов в свое время писал: «Экономико-политические сдвиги видоизменяют контингент носителей языка (или так называемый социальный субстрат) данного языка или диалекта, а отсюда вытекает и видоизменение отправных точек его эволюции» [Поливанов, 1968, с. 86]. Изменение состава носителей в свою очередь вызывает потребность в выработке единого общего языка (т.е. языковой системы) взамен разных языковых систем, каждая из которых не способна к обслуживанию нового коллектива полностью». По мере развития данного процесса становится ясным, язык какой из социальных групп будет играть «первую скрипку» в эволюции, направленной на установление единой для всех этих групп системы речи [Там

же, с. 212].

Данное положение Е. Д. Поливанова предвосхищает более поздние по времени разработки в области теории социальных групп, где важное место отводится такому понятию, как *социальный престиж* [Беликов, Крысин, 2001, с. 103]. Подтверждением этому может служить выдвинутая американским исследователем У. Лабовым концепция языковой эволюции, в основе которой лежит анализ действительной, живой речи носителей американского варианта английского языка. И хотя объектом анализа у Лабова выступают преимущественно фонетические изменения, сделанные им выводы представляют интерес и в более широком плане, т.е. с точки зрения механизма изменения языка вообще. В самой краткой форме этот механизм может быть представлен следующим образом: все изменения зарождаются в ограниченной подгруппе языкового сообщества, постепенно эти изменения расширяют сферу своего распространения, пока она не начинает совпадать с границами данного языкового сообщества.

Весьма важным моментом в процессе эволюции является социальный статус той подгруппы, внутри которой зарождается то или иное новшество. Если эта группа не занимает господствующего положения, то члены привилегированного положения подвергают новшество осуждению. Вследствие этого начинается исправление измененных форм «в сторону образцов, которых придерживается подгруппа с наивысшим социальным статусом, т.е. образцов, пользующихся престижем» [Лабов, 1975, с. 225]. Излагая свою концепцию, У. Лабов подчеркивает, что внутренние (структурные) и социолингвистические факторы в процессе языкового изменения вступают в систематическое взаимодействие друг с другом. Предложенная У. Лабовым схема не носит, разумеется, универсального характера, поскольку изменения как на фонетическом, так и на других уровнях языка могут проходить и через иные этапы. Однако в любом случае нет сомнений в том, что языковое изменение осуществляется в социальном контексте, и «нельзя вначале произвести анализ структурных соотношений внутри языковой системы, а потом обратиться к

внешним факторам» [Там же, с. 228]. Ср.: «Вне зависимости от того, что послужило непосредственной причиной языкового изменения, факт его проникновения в систему языка или его широкое распространение в языке имеют социальный характер» [Общее языкознание, 1970, с. 218].

«На глубинном диахроническом уровне изменения, происходящие в языке, имеют в конечном счете скорее общественно-детерминированный характер, поскольку сам язык – явление глубоко общественное. Однако источник одних изменений лежит на поверхности, достаточно четко просматривается и увязывается с влиянием экстралингвистических факторов, с влиянием социума, пользующего данным языком; источник же других не поддается конкретному определению и подобной трактовке» [Туманян, 1999, с. 87–88].

Социальной природе языка большое внимание уделял в своих работах Р. А. Будагов, который, в частности, подчеркивал, что многие ученые переводят оппозицию языкового и социального в план внешних и внутренних факторов развития, «несколько наивно предполагая, что внутренние стимулы движения языка социально не обусловлены. В действительности язык в целом детерминирован социально. Весь вопрос в том, как подобная обусловленность проявляется в разных сферах и уровнях языка» [Будагов, 1971, с. 63].

Общепризнанно, что наиболее непосредственно социальные факторы воздействуют на словарный состав языка. Причем это воздействие может проявляться как на уровне всей лексико-семантической системы в целом, так и на уровне отдельных лексем, которые могут приобретать социальную оценочность в результате процессов идеологизации, деидеологизации, вторичной идеологизации и т.п. [Крючкова, 1982, с. 28–36].

Вместе с тем само по себе признание «двуприродности» причин языковой эволюции еще не является достаточным. Теоретически проблема взаимодействия внешней и внутренней истории языка требует ответа на целый ряд до сих пор нерешенных вопросов. Несмотря на все имеющиеся достижения, остается, в частности, во многом невыясненным, в чем именно заключается

конкретное влияние внешних факторов на субстанцию и структурную организацию лексико-семантической системы и каков механизм подобного влияния. Требуется дальнейшего изучения и характер взаимодействия внешних и внутренних факторов на разных ступенях развития языка и общества. Ведь известно, что соотношение общественно-детерминированных и внутривидовых факторов эволюции языковых единиц не является величиной постоянной. Нельзя также не учитывать, что даже в пределах одного и того же хронологического периода отдельные социально-функциональные разновидности языка в разной степени зависят от внешних факторов. Так, принято считать, что наиболее подверженным влиянию общества, наиболее искусственным в этом отношении является литературный язык.

Попытки разработать методологическую базу для решения вышеуказанных фундаментальных проблем предпринимаются представителями различных направлений, в том числе и коммуникативного. В их работах эволюция языковых единиц предстает, прежде всего, как результат адаптации к подверженным изменениям типовым для определенной языковой общности коммуникативным ситуациям. При этом обычно особо подчеркивается, что процесс приспособления объекта как целого к среде своего существования и частей объекта друг к другу безостановочен, так же как бесконечна изменчивость того мира, в котором существует любой объект.

В данном случае в качестве примера можно привести предложенную П. Г. Мельниковым теорию системной типологии, в рамках которой центральными являются такие понятия, как внешний и внутренний детерминант. Под внешним детерминантом понимаются «коммуникативно-релевантные характеристики языкового коллектива, к которым относятся: 1) величина коллектива; 2) однородность – разнородность (смешанность) его состава; 3) доминирующий режим общения, а именно: наличие – отсутствие временных и (или) пространственных ограничений на межкоммуникационные интервалы (в том числе в зависимости от оседлости – неоседлости носителей языка). Эти характеристики в своей совокупности формируют внешнюю детерминанту

языка и в особенности сознания его носителей: тип связи поводов и сюжетов в памяти общающихся, степень близости текущих, индивидуальных образов и мировидения [Мельников, 2003, с. 127–141].

Следовательно, можно говорить о том, что сама функция языка в значительной степени варьируется под влиянием внешних по отношению к нему факторов. По мнению многих исследователей, эти факторы надсистемного характера становятся доступными для исследования, прежде всего, в культурно-историческом аспекте. Неслучайно поэтому вопросы, связанные с взаимодействием внешних и внутренних причин языкового развития, внешней и внутренней истории языка вызывают постоянный интерес у представителей культурологического направления.

Многие исследователи полагают, что заметную роль в решении рассматриваемых вопросов призвана сыграть социо-историческая лингвистическая теория, для которой центральными должны стать проблемы, связанные с реконструкцией языка в его социальном контексте, а также с соотношением социальной структуры общества и стилистической вариативностью языковых средств [Romaine, 1982, p. 293–303].

Много споров и разногласий по-прежнему вызывает и вопрос, связанный с разграничением причин исторических изменений значений лексем и конкретных путей этих изменений. Так, В. Г. Гак, давая оценку приведенной выше классификации С. Ульмана, называет ее неполной и случайной по составу, поскольку в ней стоят в одном ряду причины семантических сдвигов (*табу*) и сами формы семантических процессов (*метафорический перенос, изменение объема значений слова*) [Гак, 1998, с. 453–454].

О необходимости более четкого разграничения двух указанных аспектов исторической семантики говорят и многие другие авторы. С данной точки зрения показательным представляется следующее замечание Т. В. Строевой: «Значения изменяются не потому, что у меня есть ассоциативные представления о двух явлениях; напротив, эти ассоциативные представления (на базе объективной общности признаков, конечно) появляются у меня и начинают

активно действовать, когда я ищу названия для предмета, явления» [Строева, 1958, с. 140].

Недостаточно четко разграничиваются также и сами типы семантических трансформаций, которые в целом еще не исчислены. Эллипсис, например, который может служить базой и расширения, и сужения значения нередко рассматривается в одном ряду с ними, тогда как здесь целесообразнее было бы говорить о формах разного уровня подчинения. Подобные сложности во многом объясняются отсутствием четких границ между отдельными видами семантических сдвигов, наличием большого числа переходных явлений, трудно поддающихся классификации. Стоит учитывать и то, что отдельные формы семантических изменений не соотносятся с каким-то определенным кругом причин, а могут проистекать из разных факторов.

Несмотря на многочисленные попытки переосмыслить традиционно выделяемые формы семантических изменений лексем (расширение, сужение, метафорический и метонимический перенос, смещение значений и т.д.), они до сегодняшнего дня не утратили своей актуальности и по-прежнему лежат в основе многих исследований в области исторической лексической семантики. Это обусловлено, прежде всего, их непосредственной связью с основными механизмами человеческого мышления, мало подверженными изменениям с течением времени.

В связи с общей установкой современной лингвистики на объяснительность значимыми оказываются не только вопросы, *что* и *как* изменяется в ходе эволюции, но и *зачем* и *почему* [Николаева, 1991]. Показательным в этом отношении является следующее суждение Т. Янсона: «Мы знаем, что итальянское *-a* у имени существительного восходит к латинскому *Nominativ*, а окончание *-e* восходит к латинскому *Ablativ*. Но сейчас мы уже должны понять, почему происходит такой именно выбор» [Janson, 1982, p. 324].

Чтобы получить ответы на подобные вопросы, необходимо обратиться к процессам адаптации языковых единиц к постоянно меняющимся

коммуникативным потребностям общества, поскольку именно эти процессы позволяют языку сохранять свою коммуникативную пригодность, выполняя свое главное назначение – передавать информацию, ее содержание в наиболее адекватной для того или иного этапа развития этноса форме. Иными словами, язык «изменяется, чтобы продолжать функционировать, как таковой» [Косериу, 1963, с. 156].

Вполне естественно, что при данном подходе на первый план выходит *речь, речевая деятельность* в самых разнообразных ее проявлениях. Давно замечено, в частности, что акт речи – это не только процесс выбора, распознавания и организации каких-то готовых моделей, но одновременно и процесс творчества. Воспроизведение уже существующего в языке не представляет собой механического дублирования, и лингвистические расхождения (отклонение от единиц, принимаемых за эталон) наблюдаются даже в речи одного и того же человека. На это указывал еще Г. Пауль, который при объяснении механизма языковых изменений исходил, как уже говорилось выше, из дихотомии *узуальное/okkaзиональное*.

В данной связи стоит привести и высказывание основоположника современной теории речевых жанров М. М. Бахтина о том, что «ни одно новое явление (фонетическое, лексическое, грамматическое) не может войти в систему языка, не совершив долгого и сложного пути жанрово-стилистического испытания и отработки». «Высказывания и их типы, то есть речевые жанры, – это приводные ремни от истории общества к истории языка» [Там же]. Во многом схожую точку зрения находим у Л. В. Щербы, который связывает языковые изменения в первую очередь с диалогической речью. «В диалоге куются новые слова, формы и обороты. К диалогу прежде всего приложимо все то, что говорится о действии разных психологических и физиологических факторов, изменяющих язык, и человек, желающий изучать эти факторы, и должен обращаться к этой форме проявления языка.

Процессы изменения в языке связывает с диалогом и Э. Косериу, который придает особое значение дихотомии *система/норма* («готовая система»), а для

описания механизма *инновации* вводит такое понятие, как *принятие*. «Все то, в чем сказанное говорящим (рассматриваемое с точки зрения *языковых закономерностей*) отклоняется от моделей, существующих в языке, на котором ведется разговор, может быть названо *инновацией*. Допущение инноваций со стороны слушающего в качестве модели для дальнейших высказываний можно назвать *принятием*» [Косериу, 1963, с. 191]. При этом исследователь подчеркивает, что *принятие* – это не механическое воспроизведение, это всегда выбор. Данное положение во многом помогает дать ответ на вопрос о том, почему из многочисленных инноваций, имеющих место в речи, только некоторые принимаются и распространяются.

Термины *инновация*, *социальная* и *стилистическая норма*, *общая норма*, *система* использует А. А. Леонтьев, который выделяет три этапа процесса языкового изменения. «На первом оно представляет собой индивидуальное новообразование (инновацию), на втором входит в социальную или стилистическую норму и, наконец, на третьем становится частью общей нормы или, если оно приобретает признак общеобязательности, то и частью системы языка» [Леонтьев, 1963, с. 10].

Есть основания полагать, что указанные процессы наиболее активно и наглядно, а также наиболее массово проявляются именно на лексическом уровне, поскольку лексика, как известно, является самой подвижной частью языка, постоянно обновляющейся и быстро реагирующей на все происходящие в обществе изменения социального и культурного характера. На способность лексических единиц к постоянному обновлению и модификации в процессе речи указывают многие исследователи. Ср.: «Слово то и дело погружается в какой-то новый контекст и выходит из него преобразенным» [Падучева, 2003, с. 30].

«В каждом акте речи заново воссоздается отношение номинации между означаемым и означающим. Здесь возможны малозаметные сдвиги, которые с течением времени могут привести к существенным семантическим изменениям» [Бородина, Гак, 1979, с. 100].

Все микроизменения (т.е. изменения на уровне лексем) могут гаситься или приниматься и накапливаться системой языка. При этом та или иная степень предрасположенности системы языка к восприятию предлагаемых ей в процессе коммуникации микроизменений формируется под влиянием той коммуникативной макроситуации (устойчивого, повторяющегося набора характеристик коммуникативных ситуаций определенных типов), в которой существует и на которую своим устройством должен быть настроен данный язык.

Вопросы

1. К какому периоду времени относится становление лексической семантики как самостоятельной лингвистической дисциплины? Кто считается ее основоположником?
2. В чем заключается специфика лексической семантики как отдельной лингвистической дисциплины? Назовите предмет ее исследования, цели и задачи.
3. В рамках каких лингвистических направлений шло развитие лексической семантики во второй половине XIX -- начале XX века? С именами каких исследователей связаны эти направления?
4. Кем и когда был впервые использован термин *семантика*?
5. Каковы основные типы исторических изменений семантики лексических единиц? В чем сходство и различие существующих классификаций?
6. Каковы основные причины исторических изменений лексического значения слов? Приведите основные точки зрения на этот вопрос. Что является основой для споров и дискуссий в этой области?
7. В чем состояло влияние теории Ф. де Соссюра на принципы и методы изучения семантики языковых единиц?
8. В чем заключалась смена научной парадигмы, которая произошла в лингвистике на в середине XX века? Какое влияние этой новой парадигмы на диахронические исследования лексической семантики?

Литература

1. Бородина, М. А. К типологии и методике историко-семантических исследований : на материале лексики французского языка / М. А. Бородина, В. А. Гак. Л. : Наука, Ленингр. Отд-ние, 1979. 232 с.
2. Будагов, Р. А. Введение в науку о языке / Р. А. Будагов. М. : Просвещение, 1965. 492 с.
3. Будагов, Р. А. История слов и история общества / Р. А. Будагов. М. : Просвещение, 1971. 270 с.
4. Будагов, Р. А. Что такое развитие и совершенствование языка? / Р. А. Будагов. М. : Наука, 1977. 264 с.
5. Вандриес, Ж. Язык / Ж. Вандриес. М., 1937. 410 с.
6. Вахтин, Н. Б. Социоллингвистика и социология языка : учеб. пособие / Н. Б. Вахтин, Е. В. Головкин. СПб. : Гуманит. акад. : Изд-во Евр. ун-та в С.-Петербурге. 2004. 336 с.
7. Гак, В. Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак. М. : Языки рус. культуры, 1998. 764 с.
8. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию : пер. с нем. / В. фон Гумбольдт. М., 1984. 176 с.
9. Диахроническая социоллингвистика / под ред. В. К. Журавлева. М. : Наука, 1993. 204 с.
10. Ельмслев, Л. Прологомены к теории языка / Л. Ельмслев // Новое в лингвистике. М., 1960. Вып. 1. С. 215–262.
11. Илюхина, Н. А. Семасиология и лингвокогнитивистика: преемственность и методологическое взаимодействие / Н. А. Илюхина // Язык–текст–дискурс:

традиции и новаторство : материалы междунар. науч. конф. Самара, 2009. Ч. 1. С. 34–41.

12. История лингвистических учений. Средневековая Европа / отв. ред. А. В. Десницкая, С. Д. Кацнельсон. Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1985. 286 с.
13. Курилович, Е. О методах внутренней реконструкции / Е. Курилович // Новое в лингвистике. М., 1964. Вып. 4. С. 400–433.
14. Курилович, Е. Очерки по лингвистике / Е. Курилович. М. : Изд-во иностр. лит., 1962. 456 с.
15. Лабов, У. О механизме языковых изменений / У. Лабов // Новое в лингвистике. М., 1975. Вып. 7. С. 199–228.
16. Лаптева, О. А. Самоорганизация движения языка: внутренние источники преобразований / О. А. Лаптева // Вопросы языкознания. 2003. № 6. С. 15–29.
17. Леонтьев, А. А. Возникновение и первоначальное развитие языка / А. А. Леонтьев. М. : Изд-во АН СССР, 1963. 139 с.
18. Мартине, А. Основы общей лингвистики / А. Мартине // Новое в лингвистике. М., 1963. Вып. 3. С. 366–566.
19. Николаева Т. М. Диахрония или эволюция? : об одной тенденции развития языка / Т. М. Николаева // Вопросы языкознания. 1991. № 2. С. 12–26.
20. Николаева, Т. М. Коммуникативно-дискурсивный подход и интерпретация языковой эволюции / Т. М. Николаева // Вопросы языкознания. 1984. № 3. С. 111–119.
21. Николаева, Т. М. Теории происхождения языка и его эволюции – новое направление в современном языкознании / Т. М. Николаева // Вопросы языкознания. 1996. № 2. С. 79–89.

22. Общее языкознание: формы существования функции, история языка / отв. ред. Б. А. Серебренников. М. : Наука, 1970. 603 с.
23. Падучева, Е. В. Глаголы создания образа: лексическое значение и семантическая деривация / Е. В. Падучева // Вопросы языкознания. 2003. № 6. С. 30–46.
24. Пауль, Г. Принципы истории языка / Г. Пауль. М. : Изд-во иностр. лит., 1960. 500 с.
25. Плунгян, В. А. Проблемы грамматического значения в современных морфологических теориях : обзор / В. А. Плунгян // Семиотика и информатика. М., 1998. Вып. 36. С. 324-386
26. Покровский, М. М. Избранные работы по языкознанию / М. М. Покровский. М. : Изд-во АН СССР, 1959. 382 с.
27. Поливанов, Е. Д. Статьи по общему языкознанию / Е. Д. Поливанов. М. : Наука, 1968. 376 с.
28. Поликарпов, А. А. Циклические процессы в становлении лексической системы языка: моделирование и эксперимент / А. А. Поликарпов. М., 2001. URL: http://old.philol.msu.ru/~lex/areft/h_titul.htm
29. Пражский лингвистический кружок : сб. статей. М. : Прогресс, 1967. 560 с.
30. Принципы и методы семантических исследований : сб. статей. М. : Наука, 1976. 379 с.
31. Реформатский, А. А. Введение в языковедение / А. А. Реформатский. М. : Аспект Пресс, 2001. 536 с.
32. Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / Б. А. Серебренников [и др.]. М. : Наука, 1988. 216 с.
33. Солнцев, В. М. Язык как системно-структурное образование

/ В. М. Солнцев. М. : Наука, 1971. 294 с.

34. Соссюр, Ф. де. Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр ; пер. с фр. яз. под ред. А. А. Холодовича ; вступ. ст. А. А. Холодовича [и др.]. М. : Прогресс, 1977. 695 с.
35. Туманян, Э. Г. О природе языковых изменений / Э. Г. Туманян // Вопросы языкознания. 1999. № 3. С. 86–97.
36. Ульманн С. Семантические универсалии / С. Ульманн // Новое в лингвистике. М., 1990. Вып. 5. С. 250-278.
37. Ченки, А. Современные когнитивные подходы к семантике: сходства и различия в теориях и целях / А. Ченки // Вопросы языкознания. 1996. № 2. С. 68–78.
38. Шапошникова, И. В. Системные диахронические изменения лексико-семантического кода английского языка в лингво-этническом аспекте / И. В. Шапошникова. Иркутск, 1999.-243 с.
39. Шмелев, Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка / Д. Н. Шмелев. М. : Просвещение, 1954. 243 с.
40. Щерба, Л. В. Опыт общей теории лексикографии / Л. В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 265–304.
41. Darmesteter, A. La vie des mots etudiee dans leurs significations / A. Darmesteter. 4 ed. Paris, 1893. 212 p.
42. Givón, T. On Understanding Grammar / T. Givon. New York : Academic Press, 1979. 181 p.
43. Givón, T. Topic, pronoun and grammatical agreement / T. Givon // Subject and Topic. New York, 1976. P. 151–88.
44. Harris, M. B. On explaining language change / M. B. Harris // Current Issues in

Linguistic Theory. Amsterdam, 1982. Vol. 21. P. 1–14.

45. Holmes, J. Inferring language change from computer corpora: some methodological problems / J. Holmes // ICAME Journal. 1994. № 18. P. 27–40.
46. Hughes, G. Words in Time : A Social History of the English Vocabulary / G. Hughes. Oxford, 1989. 270 p.
47. Jespersen, O. Language: its nature, development and origin / O. Jespersen. London : G. Allen &Unwin Ltd, 1925. 448 p.
48. On Explainig Language Change / R. Lass. Cambridge : Cambr. Univ. Press, 1980. 186 p.
49. Marty, A. Über Wert und Methode einer allgemeinen beschreibenden Bedeutungslehre / A. Marty. Bern : A. Francke, 1950. 111 S.
50. Porzig, W. Die Leistung der Abstrakta in der Sprache / W. Porzig // Blatter für deutsche Philosophie. 1930/31. Bd. 4. S. 66–77.
51. Porzig, W. Wesenhafte Bedeutungsbeziehungen / W. Porzig // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literature. 1937. № 8. S. 70–97.
52. Raskolnikov, M. Confessional Literature, Vernacular Psychology, and the History of the Self in Middle English / M. Raskolnikov // Literature Compass. 2005. Vol. 2, №. 1. P. 1–20.
53. Reising, K. Vorlesungen über lateinische Sprachwissenschaft / K. Reising. Leipzig, 1839. 885 S.
54. Romaine, S. The reconstruction of language in its social context: methodology for a socio-historical linguistic theory / S. Romaine // Current Issues in Linguistic Theory. Amsterdam, 1982. Vol. 21. P. 293–303.
55. Sperber, H. Ein Gesetz der Bedeutungsentwicklung / H. Sperber // Zeitschrift

deutsche Alterum. 1922. S. 67–72.

56. Spitzer, L. *Essays in Historical Semantics* / L. Spitzer. New York, 1948. 316 p.
57. Stern, G. *Meaning and Change of Meaning* / G. Stern. Göteborg, 1931. 456 p.
58. Timberlake, A. *Reanalysis and actualization in syntactic change* / A. Timberlake // *Mechanisms of Syntactic Change*. Austin, 1977. P. 141–180.
59. Trier, J. *Der Deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes, die Geschichte eines sprachlichen Feldes* / J. Trier. Heidelberg, 1931. 347 S.
60. Vizmuller, J. *Theories of language and the nature of evidence and explanation in historical linguistics* / J. Vizmuller // *Current Issues in Linguistic Theory*. Amsterdam, 1982. Vol. 21. P. 374–384.
61. Wundt, W. *Volkerpsychologie*. Bd. 1. *Die Sprache* / W. Wundt. 4 Aufl. Leipzig, 1900. 695 S.